

Александр Валентинович Амфитеатров

Муж Ермоловой

Александр Амфитеатров

Муж Ермоловой

«Public Domain»

1928

Амфитеатров А. В.

Муж Ермоловой / А. В. Амфитеатров — «Public Domain», 1928

«Бывают странные времена и обстоятельства, когда вдруг обрадует несчастье, потому что приводит вместе с собою нечто неожиданно утешительное. Так вот теперь вышло с кончиной М. Н. Ермоловой. Откровенно сознаюсь: я не ожидал, чтобы уход ее из сего мира откликнулся таким огромным впечатлением во всей эмиграции. Что нас, москвичей, событие потрясло, понятно. Покойный Дорошевич, бывало, говаривал: – Счастлив, кто был москвичом, когда в Долго-Хамовническом переулке жил и творил Лев Толстой, а в Малом театре играла Ермолова!..»

© Амфитеатров А. В., 1928

© Public Domain, 1928

Александр Амфитеатров Муж Ермоловой

Бывают странные времена и обстоятельства, когда вдруг обрадует несчастье, потому что приводит вместе с собою нечто неожиданно утешительное. Так вот теперь вышло с кончиной М. Н. Ермоловой. Откровенно сознаюсь: я не ожидал, чтобы уход ее из сего мира откликнулся таким огромным впечатлением во всей эмиграции. Что нас, москвичей, событие потрясло, понятно. Покойный Дорошевич, бывало, говаривал:

– Счастлив, кто был москвичом, когда в Долго-Хамовническом переулке жил и творил Лев Толстой, а в Малом театре играла Ермолова!

Но ведь в том-то и дело, что она была наша, московская, – уж очень наша, почти исключительно наша. Петербург ее знал мало: за всю жизнь она не сыграла там и десяти спектаклей. В провинции она, кажется, вовсе не гастролировала. Значит, ознакомиться с нею «вся Россия» никак не могла.

Савину, Федотову, Коммиссаржевскую, Лешковскую вживе видели не только все крупные культурные центры России, но и второстепенные города, и дальние окраины. Три первые названные познакомили с своими дарованиями также и Европу, а Коммиссаржевская даже и Америку. Ермолова – никогда никуда.

– Привинчена к Москве, как Иверская! – острил ее супруг, Николай Петрович Шубинской.

Вот чья смерть прошла в свое время совершенно незаметно, хотя постигла она его в Париже, центре эмиграции, а человек он был весьма недюжинный – и ловкий юрист, и политический деятель (не весьма ловкий, а иногда, пожалуй, даже и весьма неловкий), и усердный и влиятельный спортсмен – словом, фигура «сам по себе», а никак уже не только «муж знаменитости».

Известность Н. П. Шубинского как присяжного поверенного была в Москве огромна. Он шел вторым номером за Плевако, причем оба друг друга терпеть не могли. Я знал хорошо обоих. До ораторского дара Плевако Шубинскому было далеко, но делец он был ловкий, изворотливый, говорил превосходно, владел искусством меткой иронии – вообще своей репутации первоклассного адвоката был вполне достоин. Но в то время как победоносному сопернику его Москва любовно прощала все человеческие слабости и прегрешения, Шубинскому она не извиняла ни одного ложного шага, а он был на них весьма способен и усерден.

Не любила его Москва. Едва ли не в той же мере не любила, как обожала Марью Николаевну. И может быть, в нелюбви этой имела немалое значение некая общественная ревность:

– Как смеет антипатичный нам, москвичам, Шубинской быть супругом великой Ермоловой?

Нечто подобное почти прямыми словами высказал мне даже не в Москве, а в Петербурге редактор «Исторического вестника» Сергей Николаевич Шубинской, безмерно уважавший Марью Николаевну и очень мало – своего московского племянника. О нем старик всегда говорил в кисло-снисходительном тоне, будто извиняясь косвенно, что «в семье-де не без уroda».

В годы, когда я был близок с Н. П. Шубинским, я часто задумывался с недоумением, – чем, собственно, он заслужил московскую антипатию? Адвокатские грехи?! Да мало ли адвокатов с грехами пуццами, чем за Шубинским, – однако на них не вешали и десятой доли того неисчислимого множества собак, что на него. Помянуть хотя бы и Плевако. Его юридические и житейские фокусы рассказывали с веселым хохотом, Шубинского – с «благородным негодованием».

Думаю, что в этой разнице повинны не столько деяния Н. П. Шубинского, сколько его странный характер. Ему следовало бы родиться раньше, по крайней мере, лет на сорок, чтобы успеть взрослым к эпохе байронических героев, Печорина, Батманова, Тамарина и пр. Типичный «сноб» этого рокового типа, он глубочайше «презирал людей» и сам имел слабость казаться гораздо худшим человеком, чем был на самом деле.

А отсюда – стремление озадачивать общество такими речами, а иногда и поступками, что, если бы не всеобщее московское обожание Марьи Николаевны, Шубинскому не раз пришлось бы более чем плохо. За циническую речь по делу Кетхудова (ограбление почты) он – только ради просьб жены – не был исключен из сословия и отделался лишением права практики на продолжительный срок.

Однажды мне случилось говорить с Шубинским об этом деле. Я высказал ему откровенно, что для меня загадка не столько циническое существо речи, сколько – каким образом такой умный, спокойный, казалось бы, холодный оратор, как Шубинской, мог столь непрактично распоясаться пред судом и публикой, к очевидному вреду и для себя, и для своего клиента? Он повел плечами, улыбнулся длинным лицом (оно было бы очень красиво, если бы не усыпали его мелкие оспенные рябины, – помните, у Лескова: «продолговатый облик Шубинских»?) и с недоумением в странных своих лиловатых глазах ответил четырьмя словами:

– А черт меня знает.

Как он отнесся к постигшей его дисциплинарной каре, лучше всего выявит тот факт, что свой невольный досуг он употребил на перевод какого-то французского сочинения... *об адвокатской этике*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.